

—

Ань Лань взглянул на Гу Лиюя, вздохнул и успокоил Леле: «Сейчас небезопасно для меня, Гу Лиюя и Сюй Синжяня. Однако люди, которые забрали Сяо Чэня, вряд ли снова нападут на семью Сяо. Остаться здесь может быть для тебя самым безопасным вариантом».

Слезы продолжали течь по лицу Леле.

Ань Лань отвел Леле в сторону и спросил: «Леле, ты уверена, что дважды открывала дверь и видела всех троих?»

Леле кивнула: «Да. Когда я впервые открыла дверь, Сяо Нань кричал на Сяо Юня. Мой брат попросил меня не смотреть на эту суматоху, поэтому я вошла в комнату. Но Сяо Нань был очень зол и много раз кричал на Сяо Юня».

«О чем он кричал?» — спросил Ань Лань.

«Он спрашивал о его ногах... когда они восстановились».

Ань Лань кивнул, подтверждая текущее состояние Сяо Наня. Он, очевидно, все еще был взволнован тем, что Сяо Юнь обманул его.

«А что насчет второго раза, когда ты открыла дверь?»

«Во второй раз я услышала громкий шум! Как только я вышла, я увидела своего брата, лежащего рядом с обеденным столом, поэтому я бросилась вниз...»

«Итак, где были Сяо Юнь и Сяо Нань?»

Леле уже несколько раз рассказывала об этом полиции, и она была совершенно уверена в том, что увидела: «Сяо Юнь лежал у входа, вокруг него было много осколков разбитой вазы, а его голова кровоточила... Сяо Нань стоял рядом с ним, глядя на него. После того, как я спустилась, он попросил меня вызвать скорую помощь... А если бы я не позвонила, моего брата не забрали бы плохие люди?»

Ань Лань погладил Леле по голове и сказал: «Леле, ты ничего плохого не сделала. Не сомневайся в своих решениях. Сяо Чэнь в то время потерял сознание, поэтому, конечно, тебе пришлось вызвать скорую помощь. Просто... плохие люди все спланировали заранее; это не твоя вина».

После того, как полиция завершила расследование, Ань Лань и Гу Лиуй были вынуждены на время вернуться домой.

Ань Лань сидел на пассажирском сиденье, все время хмурясь. Гу Лиюй освободил одну руку и щелкнул Ань Ланя по лбу.

«Ты беспокоишься о Сяо Чэне?»

«... Сяо Чэнь все еще полезен для «Эдема». Я не беспокоюсь о его безопасности. Я просто нахожу все это очень подозрительным», — сказал Ань Лань.

«Ты находишь Сяо Наня очень подозрительным».

«Да! Я просто нахожу Сяо Наня очень подозрительным! Он сказал, что внезапно обнаружил, что Сяо Юнь лгал ему всё это время, поэтому он накричал на него и избил его. Это то, что Сяо Нань сделал бы. Но только потому, что Сяо Юнь сбежал после того, как накачал Сяо Чэня, Сяо Нань схватил вазу и сбил Сяо Юня с ног... Это нормально? Даже если бы Сяо Юнь сбежал, Сяо Нань мог бы вызвать полицию, чтобы поймать его. Столкнувшись с тем, кого он когда-то защищал, кому доверял и кем даже немного восхищался, Сяо Нань решил ударить Сяо Юня вазой?»

Гу Лиюй спокойно рулил, останавливаясь на светофоре. «Да. У Сяо Наня не очень хорошее впечатление о Сяо Чэне. Даже если бы Сяо Юнь вколол что-то Сяо Чэню, Сяо Нань не был бы настолько зол, чтобы использовать вазу, чтобы ударить Сяо Юня по голове».

«Разве это не слишком безжалостно? Даже если однажды ты узнаешь, что я изменяю, ты же не ударишь меня вазой по голове, верно?»

Ань Лань тут же придумал метафору, и, сказав ее, немного пожалел об этом. Он чуть не ударил себя по лицу. Что за чушь он нес?

«Я не буду бить тебя вазой по голове. Это было бы слишком просто для тебя», — ответил Гу Лиюй.

Ань Лань вспомнил феромоны Гу Лиюя во время его восприимчивого периода, и внезапно почувствовал мурашки по коже.

«Не только у капитана Хуна, но и у Сюй Синжаня есть люди, наблюдающие за Сяо Нанем».

«Сяо Нань всегда был человеком, который выражал свои эмоции на лице...»

Гу Лиюй прервал его: «Ты когда-нибудь думал, что «Сяо Нань — человек, который выражает свои эмоции на лице» — это тот образ, который он создал перед нами?»

Ань Лань был ошеломлен, чувствуя, что если слова Гу Лиюя правда, то это будет

действительно страшно.

Эта ночь была обречена быть бессонной.

Ань Лань не мог перестать ворочаться с боку на бок, гадая, что с Сяо Чэнем.

В последний раз на территории «Эдема» Сяо Чэнь был в плачевном состоянии. Много ли извлекут его феромонов на этот раз? Или, может быть, к настоящему времени он уже сразился с сотней противников?

«Не думай слишком много», — сказал Гу Лиюй, лежащий рядом с ним.

Ань Лань был озадачен; он отвернулся от Гу Лиюя, так как же Гу Лиюй узнал, о чем он думает?

«Ты ворочаешься с боку на бок; под одеялом слишком жарко».

«Ой...»

«Не только Сяо Чэнь, но и я, и Сюй Синжань являемся целями «Эдема». Они определенно оставят нам подсказки, чтобы мы могли найти Сяо Чэня».

«Меня это совсем не утешает».

«Ты прав. Сяо Нань не смог сохранить самообладание в этот период», — сказал Гу Лиюй.

Однако со вторника по пятницу ничего не произошло.

Человек, которого Сюй Синжань послал следить за Сяо Нанем, ничего не добился, и расследование капитана Хуна не продвинулось ни на шаг.

Ань Лань посещал занятия, постоянно оборачиваясь, чтобы посмотреть на пустое место Сяо Чэня, и чувствовал все большее беспокойство.

Но в эту субботу Гу Лиюй собирался посетить реабилитационный центр Комитета по управлению Альфа, чтобы увидеть Гу Юньли. Сун Целань предложила, чтобы Ань Лань тоже пошёл. Что еще важнее, было сказано, что состояние Гу Юньли стало гораздо более ясным. Посещение его могло дать некоторую информацию об «Эдеме».

Это немного нервировало Ань Ланя. Он стоял перед шкафом, размышляя, что надеть.

Помимо школьной формы, у него были только футболки и спортивные штаны.

С другой стороны, Гу Лиюй просто сидел на кровати, глядя в спину Ань Ланя. Казалось, он не понимал, почему Ань Лан колеблется, но он был очень терпелив. Даже если Ань Лань будет колебаться вечно, он мог подождать.

«Что ты наденешь на встречу с отцом?» — Ань Лань повернулся, чтобы спросить Гу Лиюя, раздраженный отсутствием информации.

«Вот это», — сказал Гу Лиюй.

«Просто... вот это...»

Гу Лиюй носил белую хлопчатобумажную футболку и спортивные брюки, а драпировка спортивных брюк подчеркивала его прямые, длинные ноги.

Конечно, пойти к собственному отцу, даже в тапочках, не проблема.

«Он не какая-то выдающаяся личность», — сказал Гу Лиюй.

«Он не выдающаяся личность? Твой отец был лучшим учеником в нашей школе три года подряд, а ты не раз проигрывал классному старосте в рейтинге экзаменов».

Гу Лиюй холодно сказал: «Это больше не повторится».

«Не... оставайся таким, какой ты есть сейчас. Излишества ведут к бунту...» Ань Лань задумался на мгновение и тоже схватил белую футболку и спортивные штаны.

В любом случае, это нормально, если это то же самое, что носит Гу Лиюй.

«Эн, вот так выглядит хорошо».

«Ты тоже думаешь, что это выглядит хорошо?»

«То же самое, что и на мне. Очевидно, мой парень».

Ань Лань задумался на мгновение и снова спросил: «Твой отец... не будет же снова внезапно выпускать феромоны, верно? Если он это сделает, я обязательно тут же преклоню колени».

«Не волнуйся, я составлю ему конкуренцию».

Хочешь с ним посоревноваться?

Как я могу не волноваться?

В любом случае, теперь нет никаких зацепок, чтобы найти Сяо Чэня. Гу Юньли может стать еще одним прорывом. Из-за его особого статуса и продолжающегося лечения, кроме членов семьи, Комитет по управлению Альфа не позволяет никому другому посещать его. Даже если полиция захочет провести расследование, это должно быть сделано в сопровождении членов семьи или даже под наблюдением Комитета по управлению Альфа.

Изначально Сун Целань хотела пойти с ними, но ее благотворительный фонд внезапно изменил время интервью, поэтому ей пришлось сначала поехать туда.

Когда их отправляли, Сун Целань искренне посоветовала Гу Лиюю: «Твой отец на самом деле очень любит нас. Не спорь с ним».

«Если только он не станет спорить со мной», — ответил Гу Лиюй.

Ань Лань: «Гу Лиюй, ты намеренно заставляешь свою маму волноваться?»

Сун Целань беспомощно улыбнулась, затем поправила волосы Ань Ланя.

Из-за ситуации Сяо Чэня Ань Лань не мог нормально спать всю ночь. Несколько прядей волос торчали дыбом, и Сун Целань улыбнулась, поправляя ему взъерошенные волосы.

«Сяо Юй слушает тебя больше всех. Присматривай за ним и не спорь с его отцом».

Ань Лань покраснел, думая, как Гу Лиюй мог его послушать! Этот парень никогда не колебался, воплощая в жизнь собственные идеи.

Напротив, если бы Ань Лань не послушал Гу Лиюя, результат определенно был бы «интересным».

«Пойдём».

Гу Цинчуань лично поехал за ними. С тех пор, как он обнаружил, что безумие Гу Юньли во многом было вызвано его неспособностью чувствовать феромоны Сун Целань, Гу Цинчуань активно исследовал и лечил его. Теперь команда по лечению Гу Юньли в основном состояла из сотрудников исследовательской лаборатории Гу Цинчуаня.

Пока Гу Цинчуань ехал, он спросил: «Ты уже придумал, какие вопросы хочешь задать дяде?»

«Доктор Чэн был лечащим врачом моего отца раньше, а также лечащим врачом Ань Ланя, но он действительно является членом «Эдема». Насколько мне известно, у доктора Чэна в молодости была неблагополучная семья. Мой отец спонсировал его, чтобы он закончил обучение от средней школы до аспирантуры. Они даже были хорошими друзьями. Поэтому я хочу знать... является ли мой отец членом Эдема».

Этот вопрос Гу Лиюя был большим потрясением не только для Ань Ланя, но и для Гу Цинчуаня.

«Почему у тебя такие мысли?» — нахмурился Гу Цинчуань.

«Предчувствие. Я всегда чувствовал, что между Гу Юньли и «Эдемом» есть бесчисленное множество связей».

Гу Цинчуань улыбнулся: «Ребёнок знает своего отца лучше, чем кто-либо другой».

Услышав это, Ань Лань был совершенно ошеломлен. Разве Гу Цинчуань не имел в виду, что Гу Юньли является членом «Эдема»?

«А «Эдем», организация, дядя создал ее для тебя, верно?» — сказал Гу Цинчуань. «В то время ты еще не родился, и тетя только что забеременела тобой. Я до сих пор помню, как дядя держал меня на диване, говоря об «Эдеме».

Гу Лиюй крепко обхватил колени; он нервничал.

«Что он сказал?»

«Он надеялся, что «Эдем» сможет создать для тебя единомышленников, людей, которые будут сталкиваться с трудностями вместе с тобой. Теперь, вспоминая это, я понимаю, что это была элитная программа обучения или обширная сеть связей. Но теперь «Эдем» не только вышел из-под контроля твоего отца, но и обернулся против него. Это уже не тот «Эдем», который я знал в детстве». Гу Цинчуань помолчал и добавил: «Дядя, возможно, охотнее расскажет тебе подробности».

Ань Лань крепко сжимал пальцы Гу Лиюя. Он не хотел, чтобы Гу Лиюй снова чувствовал себя виноватым из-за этого.

По крайней мере, когда Гу Юньли основал «Эдем», он сделал это из любви к своему сыну.

В то время его феромоны были нормальными, его логика была ясной, а его мышление было острым. Среди альф он был тем, кто стоял выше других, но в одно мгновение он потерял все.

Санаторий, где находился Гу Юньли, находился на окраине города.

Окруженный красивыми горами и реками, он напоминал курорт, что совершенно не соответствовало белым стенам, отражающей плитке и холодному запаху дезинфицирующего средства в больнице.

Гу Юньли разместили на небольшой вилле, окруженной бдительными сотрудниками службы безопасности, и для входа и выхода требовалась проверка личности, что указывало на очень строгие меры безопасности. Задний двор этой виллы представлял собой небольшой сад с некоторыми растениями, такими как вьющиеся розы. В этом сезоне цветы не цвели, но зелень выглядела живой.

Изоляционное лечение здесь... Это больше похоже на то, что Гу Юньли рано ушел на пенсию?

В тот момент, когда Ань Лань ступил на ступеньки виллы, его необъяснимо охватил страх.

Он вспомнил, как впервые столкнулся с феромонами Гу Юньли в больнице — сильными, интенсивными, неуправляемыми и требовательными.

Он был известным и превосходным альфой, и до сих пор не было никаких новостей о ком-то, чьи феромоны могли бы его подавить.

Гу Лиюй, возможно, и сможет это сделать, но не сейчас.

«Не бойся», — Гу Лиюй остановился и взял Ань Ланя за руку.

Иногда Ань Лань чувствовал странность того, что Гу Лиюй мог мгновенно почувствовать его эмоции, даже когда он ничего не говорил и не делал.

У Гу Цинчуаня было разрешение на работу от Комитета по управлению Альфа, но Гу Лиюй и Ань Ланю не так-то просто было пройти. Охрана на входе проверила их, и никакие металлические предметы не были допущены внутрь.

Дверь открылась, и поролоновая губка покрыла стены со всех сторон, чтобы не дать изолированным людям нанести себе вред. Края всех столов и стульев также были обернуты для обеспечения безопасности.

В гостиной было теплое освещение, а на журнальном столике лежало много книг без определенного содержания — исторические, художественные и даже по теме «Отношения матери и ребенка».

В гостиной, со стороны окна, в кресле сидел человек. Подсветка сзади не позволяла четко

разглядеть его и выражение его лица, но казалось, что он читает книгу. За окном был двор, полный зелени.

«Дядя, сегодня к тебе пришел Сяо Юй. И друг Сяо Юя, Ань Лань», — заговорил Гу Цинчуань.

«Мм», — небрежно ответил Гу Юньли, не показывая никакого намерения вставать, как будто визит сына не был особенно ожидаемым. «Я закончу эту главу еще через две страницы. Подождите меня немного».

Это был второй раз, когда Ань Лань услышал голос Гу Юньли; первый раз это было в больнице. Тогда Гу Юньли сказал, что Гу Лиюй в конечном итоге станет таким же, как он, разнося свое безумие по всей больнице.

Но теперь его голос был спокоен и умиротворен, как река, текущая сквозь горы и скалы, неизменная.

Ань Лань не мог не представить, как он выглядит. Действительно ли Гу Лиюй был похож на него? У Гу Лиюя были красивые глаза, как у его матери; что общего у Гу Лиюя с Гу Юньли?

«Во втором отделении левого шкафа есть лимонный мед. Можешь сделать его для своего маленького парня», — небрежно сказал Гу Юньли.

Слова «маленький парень» несли в себе поддразнивающий тон, но также и чувство привязанности со стороны старшего.

Гу Лиюй подошел к шкафу, открыл его и действительно нашел банку лимонного меда. Он смешал его с водой и передал Ань Ланю и Гу Цинчуаню.

«У тебя недавно был период восприимчивости?» — спросил Гу Юньли.

Ань Лань остановился, глядя на Гу Цинчуаня вместе с Гу Лиюем. Они думали, что это Гу Цинчуань упомянул об этом.

Гу Цинчуань покачал головой и развел руками, показывая, что он ничего не сказал.

«Не смотри на Цинчуаня. Обоняние высшего альфы очень острое. Я учуял твои феромоны, как только ты вошёл, и они отличаются от всех предыдущих», — наконец Гу Юньли закрыл книгу и медленно встал.

Он был стройным, и Ань Лань видел много мужчин его возраста с пивными животами или лысыми головами, но телосложение Гу Юньли отличалось естественной элегантностью.

Приблизившись, Ань Лань заметил, что на его лодыжке надет браслет, вероятно, для контроля феромонов.

«Ты помнишь, как пахнут мои феромоны?» — спросил Гу Лиюй.

«Я помню», — Гу Юньли наконец вышел на свет.

Без преувеличенных и свирепых выражений времен безумия, он выглядел сейчас красивым, источая обаяние зрелого альфы. Светло-коричневая льняная рубашка смягчала его внешность.

Он посмотрел в сторону Ань Ланя и улыбнулся ему.

Рука Гу Лиюя уже поднялась, закрывая Ань Ланю обзор.

«Не обманывай его своей улыбкой».

«Цк, посмотри, твои феромоны полны собственничества и немного резкости. Раньше ты всегда сдерживал и подавлял это, но теперь тебя не волнует выражение враждебности по отношению к другим». Гу Юньли сидел напротив них. «Сяо Юй, если бы я действительно хотел обмануть Ань Ланя, я бы использовал феромоны, а не просто улыбку».

Рука Гу Лиюя наконец опустилась, и Ань Лань тут же с любопытством посмотрел на Гу Юньли.

Он был действительно пленительным, с глубокими контурами глаз, которые создавали таинственное ощущение, высоким и прямым носом и смелой линией губ, которая имела мужественную решительность. Нос и рот Гу Лиюя были очень похожи на его собственные. Ресницы Гу Юньли были длинными, смягчая его агрессивную ауру, делая его облик несколько классическим.

Гу Юньли не обращал внимания на то, что Ань Лань пристально на него смотрит; он улыбнулся и спросил: «Я красив или красив Сяо Юй?»

Гу Лиюй нахмурил брови, а Гу Цинчуань беспомощно вздохнул: «Дядя, тебе редко удается мирно уживаться с Сяо Юем больше трех минут. Разве ты не можешь не портить атмосферу?»

«Этот вопрос звучит по-детски, но на самом деле он важен». Гу Юньли посмотрел на Ань Ланя.

—